

злочинністю по відношенню до життя інших і власного, вона веде до втрати найчистішого у людині - здатності любити, до забуття метафізичних глибин світу. Філософія Артура Шопенгауера - відмова від нестримних бажань, від жадібності, заклик до відповідальності – вказівник шляху до спасіння в нашому повсякденному існуванні.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Лопатин Л.М. Аксиомы философии / Л. Лопатин. – М. : Росспэн, 1996. – 560 с.
2. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека / Н. Бердяев. – М. : АСТ, 2006. – 316 с.
3. Лосский Н.О. Свобода воли / Избранное. – М. : Правда, 1991. – 622 с.
4. Негативная этика / День философии в Университете. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2007. С. 43–74 [Дискуссионный клуб Университета. Вып. 12].
5. Новая философская энциклопедия : в 4 т. : Т.2. Е-М / Ин-т философии Рос.акад.наук, Нац.обществ.-науч.фонд ; науч.-ред.совет: В.С.Степин-пред. [и др.]. – М. : Мысль, 2010. – 634 с.
6. Гуревич П.С. Философия человека : Ч.2 / Рос.акад.наук.Ин-т философии. – М., 2001. – 206 с.
7. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр ; [пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда]. – М. : ЭКСМО ; СПб. : Мидгард, 2005. - 250 с.
8. Шопенгауэр А. Собрание сочинений : В 5 т. : Т.1. Мир как воля и представление / Пер.с нем. Ю. И. Айхенвальда, 1992. – 394 с.
9. Шопенгауэр А. Собрание сочинений : В 6 т.:Пер.с нем. : Т.1. Мир как воля и представление, Т.1. – М. : Терра-Кн.клуб:Республика, 1999. – 495 с.
10. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр ; [пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда]. – М. : ЭКСМО ; СПб. : Мидгард, 2005. - 250 с.
11. Шопенгауэр А. Конкурсное сочинение об основе морали / Собрание сочинений : В 6 т.:Пер.с нем. : Т.3. Малые философские сочинения. – М. : Терра-Кн.клуб:Республика, 2001. – 526 с.
12. Шопенгауэр А. Конкурсное сочинение об основе морали / Собрание сочинений : В 6 т. : Пер.с нем. : Т.3. Малые философские сочинения. – М. : Терра-Кн.клуб: Республика, 2001. – 526 с.
13. Этика Шопенгауэра / А. Шопенгауэр Афоризмы житейской мудрости // Общ. ред. А.А. Гусейнова, А.П. Скрипника. – М.: Философское Общество СССР, 1990. С. 3–17 (соавт. А.П. Скрипник).
14. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность / А. Шопенгауэр. – М. : Республика, 1992. – 447 с.
15. Шопенгауэр А. О свободе человеческой воли / А.Шопенгауэр. – М. : Знание, 1991. – 63 с.
16. Гулыга А.В. Шопенгауэр / А. Гулыга, И. Андреева. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 366 с.

УДК 130.1:001.12 «19»

СИМУЛЯТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Р.Г. Гнатюк, М.В. Колинко

Резюме. В статье содержится анализ концепта «симулякр» Ж. Бодрийера и симулятивных функций постмодернистской социальной реальности. Методологическую базу составляют системный, структурно-функциональный и сравнительно-исторический методы исследования. В результате исследования, автор определяет место симулякров в современном мире, их активное и пассивное применение. Под «местом в современном мире» стоит понимать их действие, масштабы распространения, способы определения и различие между подлинной и симулятивной реальностью.

Ключевые слова: симулякр, симулятивная реальность, гиперреальность.

Интенсивное внедрение новых информационных технологий, базирующихся на широком использовании средств кибернетики в различных сферах жизнедеятельности, высокий динамизм техники закладывает прочную основу для создания общества симулякров. Процессы симулякризации проникают во все области общественной жизни и оказывают сильное влияние на социальную структуру, тем самым, задавая новый базис материальных и духовных ценностей. Симулякрами пронизана социокультурная реальность, поэтому как никогда становится актуальным вопрос о качестве симулякра как форме конструирования реальности, о его ценностно-смысловой структуре.

Объектом исследования является социокультурная реальность, в которой формируется феномен «симулякр». Предмет исследования – симулякры как социальный феномен и культурная тенденция.

Интерес к исследованию феномена «симулякров» и симулятивной реальности возник в философии начала XX в. Первые работы принадлежат европейскому мыслителю Жоржу Батаю. Новый этап научного изучения симулякров начался в к. XX в. в связи с переходом общества в эпоху постмодернизма. Появляются работы таких исследователей, как П. Колосовски [7] и А. Кожева. Из последних исследований о симулякрах следует указать работы Жана Бодрийяра «Симулякры и симуляция» [2], «Символический обмен и смерть» [3] и Ж. Делеза «Платон и симулякр» [15]. Ж. Бодрийяр анализирует феномен симуляции реальности в эпоху постмодерна, придавая ей новое значение – «гипперреальность». Ж. Делез рассматривает феномен «симулякра» путем инверсии платонизма, как способ осмысления постмодернистской реальности.

Таким образом, можно констатировать, что изучение данного феномена и его положение в современном мире находится в стадии становления. В таком контексте исследование сравнительно-исторического анализа причин возникновения и проявления симулякров становится актуальной научной задачей.

Целью данной статьи является анализ информационно – технологических предпосылок формирования, сущности и роли симулякров в современной социальной реальности.

В данной статье решаются следующие основные задачи: определение исторических предпосылок формирования феномена «симулякризации»; раскрытие динамики внедрения «симулякров» в современном обществе; выявление общих и различных черт между подлинной и симулятивной реальностью.

Поскольку в данной статье мы акцентируем внимание на возникновении и социальном проявлении «симулякров», без учета их дальнейшего развития и возможной трансформации, хронологические рамки исследования представляют постиндустриальный период общественного развития, характеризующийся недоверием человека к традиционным ценностям реального мира.

Симулякр - термин постмодернистской философии, который означает изображение, копию того, что в действительности не существует. Симулякры возможны везде, где что-либо создавалось руками и умом человека. Поэтому географические рамки в данном исследовании отсутствуют.

Собранный, систематизированный и проанализированный в статье материал имеет, на наш взгляд, довольно широкие сферы применения. Во-первых, он может с успехом использоваться в практике учебно-методической и воспитательной работы учебных заведений разного уровня. В частности, он может быть востребован в курсах философии, онтологии, психологии и др. Во-вторых, этот материал является актуальным в практической деятельности психологов. Также, результаты этой работы могут быть использованы при дальнейшем исследовании симулятивной реальности и других феноменов постмодернистского мира.

Сформировавшееся к началу XXI века техногенное общество, в котором центральную роль играют сложные технологии, изобретенные и применяемые человеком, опосредуют изменения материальной природы, создают мир символов, знаков, моделей и образов (техносфера, инфосфера, виртуальная реальность и т. д.). Вообще, симулякры и симуляция несут в себе не отсутствие реальности, а как раз наоборот – ее избыток, предельную, качественно новую полноту. Процесс симуляции начинается с искусственного, техногенного характера человеческого начала в мире. Рассматривая такой процесс с конструктивной точки зрения, следует учитывать

творческий потенциал, содержащийся в его основе. Творческая деятельность и искусство в симуляции постоянно выходят на новый уровень развития, тем самым, определяя тенденции развития культуры. Концепция симуляции раскрывает новое измерение социокультурной реальности. Любой порядок симулякров основан на структурном законе ценности и регулируется символическим кодом. Термин «симулякр» ввел Ж. Бодрийяр в «Системе вещей», подразумевая, что симулякр представляет собой сконструированный привлекательный символический по своим характеристикам объект, ориентированный на удовлетворение желаний потребителя. Это ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заменитель [1]. Ж. Бодрийяр исходит из представления структуралистов о глубинных структурах, лежащих в основе парадигмы человеческого существования. В работе «Символический обмен и смерть» он предлагает схему трех уровней существования симулякров в истории, сменяющих друг друга в европейской цивилизации от Возрождения до наших дней: подделка – производство – симуляция. Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности [3]. Разнородные по «материалу» симулякры обнаруживают глубокие структурные и стадийные сходства, их развитие происходит не как постепенный и неравномерный взаимопереход, а как общая структурная революция – разные сферы общества меняются, используя прежнюю форму (знак) как материал для симуляции.

Ранее, начиная с латинских переводов Платона, оно означало просто изображение, картинку, репрезентацию. Например, фотография — симулякр той реальности, что на ней отображена. В наше время под симулякром понимают обычно то, в каком смысле это слово использовал Бодрийяр: симулякр — это изображение без оригинала, репрезентация чего-то, что на самом деле не существует [5]. Например, симулякром можно назвать картинку, которая кажется цифровой фотографией чего-то, но то, что она изображает, на самом деле не существует и не существовало никогда. Такая подделка может быть создана с помощью специального программного обеспечения. «Симулякрами» также называют гораздо более широкий класс объектов или явлений. Можно предположить, что любой вымысел, ложь — симулякр. Это не так. Именно в процессе имитации, симуляции реальности получается продукт гиперреальности — симулякр.

М. Мамардашвили в «Беседах о мышлении» отмечал, что мысль рождается из глубокого душевного потрясения, она произвольна, ее невозможно подумать и тем более записать, мысль невыразима. «Жизнь невозможно «схватить» сейчас, в данный момент, поскольку «живое» по определению, по существу своему, если оно живо, оно всегда в следующий момент» [4, с 33]. Таков парадокс бытия смысла. Перефразировав тютчевское «...мысль изреченная есть ложь», мы можем сказать, что мысль изреченная есть симулякр, извлеченный из мира теней и образующий мир пустых знаков. Лишь переживание способно оживить симулякр. Смысл как бытие невозможно передать, его можно лишь пережить, а, пережив, выразить в «знаке мгновенного состояния», каковым в известной интерпретации П. Клоссовски является симулякр. Здесь самое время вспомнить, что в философию XX века понятие «симулякр» ввел Ж. Батай, определяя таким образом «суверенные моменты» (опьянение, смех, жертвенное и эротическое слияние). «Суверенные моменты» Ж. Батай выступают как «примеры опыта прерывности и убегания бытия», они «недостижимы в их внезапных явлениях» [9]. основополагающей характеристикой суверенных моментов является их бесцельная и бессмысленная расточительность, «расход, состоящий в чистой и простой трате», который невозможно выразить посредством понятий. «Замкнутому существованию»

понятийного языка Ж. Батай противопоставляет «открытость существования» симулякров. «Открытость существования» реализуется в процессах коммуникации, где между адресантом и адресатом возникает совпадение сиюминутных ассоциаций, особая восприимчивость.

П. Клоссовски, интерпретируя симулякр Ж. Батая как «знак мгновенного состояния», неспособный и не претендующий на установление обмена между умами или фиксацию представляемого им опыта, отмечает, что симулякр не соотносим ни с какой реальностью, но в то же время, он сам в определенном смысле реальность, лишенная идентичности. Идентичность представляется уделом понятий, не способных выразить переживание. Симулякр же обретает смысл посредством восприимчивости собеседника, т.е. момента сопереживания. По мнению П. Клоссовски, отношения, порождаемые симулякром, можно обозначить как «сообщничество»: «метя в сообщничество, симулякр пробуждает в том, кто испытывает его, особое движение, которое того и гляди исчезнет» [7]. Такие отношения неустойчивы и сиюминутно-преходящи, но способны открыть горизонт события, фиксируя нефиксируемые состояния опыта.

Таким образом, симулякр Ж. Батая - это модус переживания, «фиксирующий» мгновения бытия, знак бытия, который позволяет интерпретировать знаковую сферу как единственную и самодостаточную реальность (позиция, характерная для постмодернизма в целом). С легкой руки Ж. Батая «симулякр» стал предметом рассмотрения многих исследователей. Наибольшую популярность приобрела упомянутая в начале статьи концепция симуляции Ж. Бодрийяра, в которой он интерпретирует понятие симулякра применительно к сфере социокультурного опыта (в отличие от «внутреннего опыта» Ж. Батая). Чтобы понять принцип симуляции, который, по мнению Ж. Бодрийяра, является господствующим в современном мире, автор создает своеобразную генеалогию, выделяя три порядка симулякров: подделка, производство, симуляция.

Симулякр, «ставший убежищем позитивной власти, которая отрицает оригинал и копию, модель и репрезентацию, не упорядочивает мир, он его разваливает: «Это дает возможность рассматривать ложь как власть, в том же смысле, в котором Ницше говорил о величайшей власти лжи. Поднимаясь к поверхности, симулякр подвергает то же самое и подобное, модель и копию власти лжи (фантазма). Эта власть делает невозможной порядок участия, устойчивость распределения, определимость иерархии. Она устанавливает мир дрейфующего распространения и коронованной анархии; /.../ она поглощает все основания, гарантируя всеобщий развал (effondrement)» [15, с. 237].

Симулякр получает власть благодаря своей схожести на Подобие, хотя эта схожесть скрывает принципиальную разность, мотивировано сокрытием разности, и потому есть ложь. Делез поясняет это следующим образом: «Рассмотрим две формулы: "различается только то, что подобно", и "только различное может быть подобно друг другу". Существует два разных способа прочтения мира. Одно призывает нас мыслить различие с точки зрения предварительного сходства или идентичности, в то время как другое призывает мыслить подобие или даже идентичность, как продукт глубокой несоизмеримости и несоответствия. Вот этот второй способ прочтения и есть «переворачивание платонизма вверх ногами» [15]. Первое чтение устанавливает мир как изображение. Второе же чтение, в противоположность первому, определяет мир симулякра, устанавливая сам мир в качестве фантазма.

Симуляция несет вместе с собой власть, производящую эффект. При этом, такая симуляция является цикличной, она обречена на постоянный возврат. Симуляция неотделима от вечного возврата, который переворачивает изображения или ниспровергает установленный мир репрезентации. Здесь все случается так, как будто

бы скрытое содержание было противопоставлено явному содержанию. Явное содержание вечного возврата пребывает в согласии с платонизмом в целом. В этом случае оно представляет тот способ, в котором хаос организуется действием демиурга и по модели идеи, которая накладывает на него отпечаток Того же Самого и Подобного. В этом смысле вечный возврат является становлением и, в частности, испытывает чувство отвращения по отношению к вечному возврату в его скрытом содержании. Это похоже на блуждание по лесу с возвращением в одну и ту же точку: здесь асимметрия – разная длина ног рождает симметрию – круг. Симулякр здесь – якобы уверенно взятое направление. Симулируется ориентация. В связи с последним, «Клоссовски был совершенно прав, характеризуя вечный возврат тем, что вечный возврат является тем, что перевертывает репрезентацию и разрушает изображение. Он не предполагает Того же Самого и Подобного; наоборот, он конституирует только То же Самое - То же Самое того, что различно; и только сходное - сходное несоответствующего.

Современность находится под властью симулякра. Она следует за философией, которая любой ценой стремится не быть современной, не зависеть от временного, а стремится выделить из современности то, что Ницше обозначал как безвременное. Не намекает ли Делез, здесь, на христианскую философию? Это безвременное живет не в глухих лесах и на непроходимых лесных тропах, которые философия тщательно исследует, а, скорее, в городах и на улицах, даже в том, что носит там наиболее искусственный характер. Искусственное и симулякр не тождественны. Они даже противоположны друг другу. Противостояние изобретения и симулякра расположено в сердцевине современности, в точке, где она сводит все свои счета. Оно существует в виде двух способов деструкции, двух форм нигилизма. Возникает громадное различие между разрушением, имеющим своей целью сохранение и увековечивание установленного порядка репрезентаций, моделей и копий, и разрушением моделей и копий ради утверждения творящего хаоса, выполняющего функцию симулякра. Вероятно, слово «искусственное» здесь нужно понимать не в смысле противопоставления природному, а в смысле принадлежности искусству. И тогда искусство противопоставлено творческому произволу как анти-искусству, как симулякру искусства.

Сомнение, ирония, игра способны превратить подражание в процесс симуляции. «Несмотря на то, что имитация носит поэтический, духовный и внутренний характер, - отмечает Ж. Делез, – она является истинным продуктом, поскольку создана в отношениях и пропорциях, соответствующих конститутивной сущности. В хорошей копии всегда присутствует продуктивная операция и соответствующее ей если не знание, то хотя бы правильное мнение» [15, с. 231]. Ироническое столкновение, подменяя правильное мнение, лишает подражание продуктивного результата. Подражание становится симуляцией, приобретая уничижительное значение.

Принципиально невозможно воссоздать из симулякра оригинал, так как в итоге будет создана еще одна симулятивная система. Из этого следует, что не существует единого исторического пути развития. Единственное, что связывает миры – это коммуникация [3]. Гиперрельность проявляется в процессе глобализации инфосферы и представляет собой информационно-технологический аспект культуры.

М. Кагель считает, что новую коммуникационную систему, основанную на цифровой, сетевой интеграции множества видов коммуникации, характеризует, прежде всего, включение и охват ею всех проявлений культуры [13]. В современном социокультурном пространстве термин «виртуальная реальность» стал ассоциироваться именно с компьютерными технологиями и отождествляться с «компьютерной виртуальной реальностью». С развитием компьютерных сетей и образованием глобальной сети Интернет, термин «виртуальная реальность» стал

применяться и к электронно-коммуникативной среде взаимодействий этого единого конгломерата сетей.

Интернет представляет собой сильное оружие против всякого рода информационных блокад, превосходное средство для оптимизации экономических связей, великолепное подспорье образования и самообразования, идеальное место для быстрой и эффективной рекламы и т. д. Виртуальная реальность обладает определенными особенностями, которые исследователи называют «особенностями пяти I»: intensive, interaktive, immersive, illustrative, intuitive (интенсивность, интерактивность, иммерсивность, иллюстративность, интуитивность). При вхождении в условное пространство компьютерной реальности, человек практически не имеет возможности отличить реальный мир от мира виртуального, так последний обладает высокой степенью достоверности. И иллюзорность виртуального мира по отношению к миру константному является относительной, достоверной лишь для внешнего наблюдателя, для виртуала же, находящегося внутри этого пространства, последнее обладает абсолютной реальностью и действительностью. Кроме того, само сознание имеет специфику достраивать, конструировать внешний мир, структурировать данный ему предметный материал, вносить в него определенный порядок, логику, удерживать разворачивающийся мир и ограждать его от разрушения, посторонних воздействий, планировать и ожидать дальнейшего развития событий.

В условиях динамики информационных потоков, в процессе внедрения компьютерных технологий расширяются симулятивные функции глобальной сети. Виртуальная реальность функционирует как совокупность симулякров. Виртуальные объекты в пределах виртуальной реальности обретают свое собственное бытие и детерминируют социокультурные процессы, погруженного в неё человека. Современные социальные институты охвачены процессом симулякризиса, сущность которого заключается в тотальной подмене реальных процессов их симуляциями и трансформациями социальных институтов в виртуальную реальность. Симулякризиса социокультурного пространства грозит полностью подменить реальные процессы их виртуальными аналогами, что может привести к «смерти» социума. Следовательно, процессы симулякризиса, формирующие гиперреальность, во много определяют ценностную базу жизни человека, тем самым, актуализируя вопрос о техногенной адаптации, как процессе приспособления социокультурной среды к информационно-технологическим изменениям. Динамичная симулякризованная реальность требует перестройки видов деятельности, а это в свою очередь определяет изменения в системе культурных ценностей. В связи с этим стремительно нарастает значимость и социальная ценность информационной деятельности, которая становится одной из ведущих отраслей современного производства и порождает информацию в качестве своего собственного специфического продукта. Гиперреальность осмысливается не только как коммуникативная виртуальная реальность, основанная на технологиях виртуальной реальности, а как сфера симулякров, конструирующая современное социокультурное пространство, во многом определяющая лик информационного общества.

Концепции Ж. Батая, Ж. Бодрийяра и Ж. Делеза лишь на первый взгляд могут показаться совершенно несходными, далекими от общего смыслового поля. Все они разворачиваются вокруг проблемы неподлинности (несоизмеримости, несоответствия) мира данного нам в культурном опыте. Здесь вполне уместно напомнить, что «любое полагание действительности включает определяющий мотив символического формирования», а экспрессивная функция выступает как «подлинный прафеномен, чья изначальность и своеобразие предполагаются также в строении теоретического сознания и теоретической действительности» [16, с 84]. Человек выступает в роли медиума переживания на протяжении всей своей истории. Невозможность «передать» переживание,

продлить его, сделав бессмертными мгновения смысла, толкала человека на все более изощренные способы выражения. Так формировалось символическое пространство, символическая среда обитания Человека, определяемая нами как культура. Важнейшие моменты человеческой жизни (рождение, инициация, смерть) издревле переживались коллективно. А коллективное переживание и соучастие превращали (и ныне превращают) симулякр в символ – развернутый знак мгновенного состояния, способный ввергать в смысл. Такой ракурс представляет процесс симуляции как неустанное оживление симулякра, посредством переживания бытия в его непосредственности, а сам симулякр как свидетельство и инструмент постижения вечно ускользающего бытия.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что исторические истоки «симулякризации» находятся в социальной сфере. Сформировавшееся техногенное общество, в котором центральную роль играют сложные технологии, изобретенные и применяемые человеком, опосредуют изменения материальной природы, создают мир символов, знаков, моделей и образов.

Также мы видим принципиальное различие между подлинной и симулятивной реальностью в том, что при вхождении в условное пространство компьютерной реальности, человек практически не имеет возможности отличить реальный мир от мира виртуального, так как виртуальный обладает высокой степенью достоверности. Интернет представляет собой сильное оружие против всякого рода информационных блокад, он же, таит в себе опасности замещения реальности иллюзорным миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 1999.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М., 2002.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000.
4. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении // Мысль изреченная... – М., 1991.
5. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.
6. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М., 1999.
7. Клоссовски П. О симулякре в сообщении Жоржа Батая // Комментарии. – 1994. – № 3.
8. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Сочинения. В 2х томах. Т.1. – М.: Мысль, 1990.
9. Танатография Эроса. – СПб., 1994.
10. Юнг К.Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
11. Емелин В. Виртуальная реальность и симулякры // <http://emeline.narod.ru/virtual.htm>.
12. Туманова О. Долго ли живут симулякры: темпоральный регистр российской модернизации // Логос. – 2004. – № 5 (44). – С. 191–200.
13. Кагель М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУВШЭ, 2000.
14. Розин В.М. Виртуальные реальности: природа и область переименования // Социально-политический журнал: социально-гуманитарные знания. – М., 1997. – № 6. – С. 183–199.
15. Делез Ж. Платон и симулякр. // Интенциональность и текстуальность. – Томск, 1998.
16. Кассирер Э. Философия символических форм. Т.3. Феноменология познания. – М.; СПб., 2002.

УДК 343.1

ПРИСЯЖНІ ЗА НОВИМ КРИМІНАЛЬНИМ ПРОЦЕСУАЛЬНИМ КОДЕКСОМ: МОЖЛИВОСТІ ВПЛИВУ НА ЇХ ДІЯЛЬНІСТЬ

К.В. Джсун, О.Б. Максименко

Резюме. У даній статті досліджено можливості впливу на роботу присяжних та вироблено рекомендації щодо їх усунення. Проаналізовано зарубіжний досвід з вирішення цих питань. Винесено пропозиції щодо можливих шляхів подолання впливу на присяжних з урахуванням зарубіжного досвіду.

Ключові слова: суд присяжних, присяжні, вплив, гарантії, механізм захисту.

Конституція України у ч. 4 ст. 124 закріплює положення про те, що народ безпосередньо бере участь у здійсненні правосуддя через народних засідателів і присяжних, а у ч.1 ст.127, що правосуддя здійснюють професійні судді та, у визначених законом